

RU

Образ дальневосточного города в литературе восточного фронта второй половины XIX в.

Васильева Т. В.

Аннотация. Статья посвящена изучению дискурса городского текста литературы восточного фронта второй половины XIX в. Цель исследования – выделить в художественном нарративе травелогов второй половины XIX в., посвященных Дальнему Востоку, константные и вариативные семантико-композиционные схемы, репрезентирующие городское пространство и составляющие основу «городского» дальневосточного локального текста. Научная новизна исследования заключается в выделении рекуррентных сюжетов и мотивов, семантика которых связана с «городским мифом» восточного фронта, а также в выявлении общих закономерностей создания геопозитического образа дальневосточного города в травелогах, посвященных Дальнему Востоку. В статье проанализирована специфика художественной репрезентации образов дальневосточных городов, выделены константные элементы художественного кода представления городского пространства. Полученные результаты позволяют рассматривать топос дальневосточного города-форпоста как семантическую доминанту городского текста литературы восточного фронта.

EN

The image of the Far Eastern city in the literature of the eastern frontier of the second half of the 19th century

T. V. Vasilyeva

Abstract. The article is devoted to the study of the discourse of the urban text of the literature of the eastern frontier of the second half of the 19th century. The aim of the research is to identify constant and variable semantic and compositional schemes in the artistic narrative of travelogues of the second half of the 19th century, dedicated to the Far East, representing the urban space and forming the basis of the “urban” Far Eastern local text. The scientific novelty of the study lies in the identification of recurrent plots and motives, the semantics of which is associated with the “urban myth” of the eastern frontier, as well as in the identification of general patterns of creating a geopoetic image of the Far Eastern city in travelogues dedicated to the Far East. The article analyzes the specifics of the artistic representation of the images of the Far Eastern cities, and distinguishes constant elements of the artistic code of the representation of the urban space. The results obtained allow us to consider the topos of the Far Eastern outpost city as a semantic dominant of the urban text of the literature of the eastern frontier.

Введение

В современном научном дискурсе не ослабевает интерес к пространственной проблематике (Абашев, 2012; Александрова-Осокина, 2020). Категория фронта в исследованиях пространственного нарратива становится важной методологической составляющей нарратологического анализа текстов, репрезентирующих образ территории (Басалаева, 2012; Головнев, 2019; Забияко, 2016; Тюрин, 2018). В современном понимании фронт рассматривается как комплексный многогранный феномен, сущностными чертами которого являются взаимопроникновение и сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций (Забияко, 2016). В концептуализации образа восточного фронта в период освоения русскими дальневосточных территорий во второй половине XIX века существенное место отводилось литературе. Литература восточного фронта в этот период преимущественно представлена в жанре травелога (Хайруллина, 2001; Фетисова, 2006). Современный системный подход позволяет рассматривать корпус произведений о Дальнем Востоке как единый локальный свертхтекст с определенным набором интертекстуальных констант с регионально обусловленной семантикой, имеющим собственный

художественный код (Лотман, 1993; Меднис, 2003; Милянчук, 2014). В настоящее время накоплен существенный опыт в изучении сущностных характеристик дальневосточного локального текста как в формально-структурном (Александрова-Осокина, 2020; Головнев, 2019; Милянчук, 2014; Фетисова, 2006), так и в содержательном аспекте (Авченко, 2021; Хайруллина, 2001; Забияко, 2013; Краюшкина, 2019; Мальцева, 2014). Тем не менее требует дальнейшего рассмотрения вопрос о специфике «городского» текста и его месте в системе дальневосточного локального текста.

Предметом настоящей статьи является художественная специфика представления городского пространства в травелогах С. В. Максимова, А. В. Елисеева и Д. И. Шрейдера, формирующих геопозитический образ городов Дальнего Востока и образующих семантику «дальневосточного мифа».

Актуальность данного исследования заключается в расширении представлений о структуре, семантике и художественном своеобразии городского инварианта дальневосточного локального текста.

Теоретической базой исследования послужили работы по теории городского текста (Лотман, 1993; Люсьи, 2016; Меднис, 2003; Потанина, Гололобов, 2012), труды, посвященные фронтиру как универсальной методологической составляющей научных исследований (Басалаева, 2012; Забияко, 2016; Тюрин, 2018), а также публикации, в которых предметом изучения является художественная специфика литературы о Дальнем Востоке в геопозитическом аспекте (Хайруллина, 2001; Забияко, 2013; Головнева, Мартишина, 2018; Краюшкина, 2019; Мальцева, 2014; Милянчук, 2014; Фетисова, 2006).

Исследование проводилось на материале произведений второй половины XIX в., посвященных Дальнему Востоку:

- Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далеком Востоке). СПб., 1891.
- Елисеев А. В. Отчет о поездке на Дальний Восток // Известия Императорского Русского географического общества. 1890. Т. XXVI.
- Елисеев А. В. По белу свету: очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света: в 4-х т. Изд-е 2-е. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1903. Т. 4.
- Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 г.): дорож. заметки и воспоминания С. Максимова. СПб.: Обществ. польза, 1864.
- Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае) // Сочинения Д. И. Шрейдера. СПб.: А. Ф. Девриен, ценз. 1897.

Данное исследование предполагает решение следующих задач: 1) выделить интегральные сущностные черты городских топосов, представленных в травелогах о Дальнем Востоке второй половины XIX в.; 2) выявить константные элементы городского дискурса, обусловленные представлением дальневосточного пространства как территории фронтира; 3) описать художественные особенности образа города (идейно-тематические доминанты, рекуррентные сюжеты, основные мотивы, хронотоп, поэтику) в травелогах С. В. Максимова, А. В. Елисеева, Д. И. Шрейдера.

Основным методом исследования стал сравнительно-исторический метод, позволяющий выделить константные и вариативные элементы нарратива, посвященного образу дальневосточного города. Кроме того, в работе использовался метод контекстного анализа и историко-генетический метод, позволяющий установить связи травелогов XIX века с последующей историко-литературной традицией.

Практическая значимость статьи заключается в том, что собранный фактический материал может быть использован в комплексных описаниях литературы восточного фронтира. Предложенный автором подход может быть востребован в нарративных исследованиях значимых топосов, составляющих семантическое ядро художественной репрезентации пространства Дальнего Востока. Полученные результаты можно использовать в процессе преподавания дисциплины «Теория и практика текстологии», а также при изучении дисциплин краеведческого цикла, посвященного дальневосточной литературе.

Обсуждение и результаты

Книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 г.)» стала первым литературным трудом, в котором Дальний Восток представлен как особое фронтальное территориальное и духовно-ментальное пространство, а главной идейно-тематической линией становится осмысление положения русских переселенцев на востоке России.

В главе «От Благовещенска до Хабаровки» автор описывает городское пространство зарождающегося города Благовещенска и будущего города Хабаровска. Парадигма приамурских поселений в нарративе С. В. Максимова представлена в основных топосах «станция» – «город» – «потенциальный город». При этом нарративные константы геопозитического образа городского пространства присущи как уже существующему городу (Благовещенск), так и потенциальному городу (селение Хабаровка). В обоих случаях писатель описывает городское пространство как «казарменное», подчеркивает особенности «казарменного» обустройства города: «Лишь только проезжий очутится на берегу, стук топора и визг пилы преследуют его с утра до вечера, везде: и на том краю, где выстроились в два ряда длинные казармы, и на другом фланге (как привыкли выражаться в Хабаровке), где опять идут казармы» (Максимов, 1864, с. 194); «Благовещенск пока только казарма наскоро построенная, холодная, со сквозным ветром, с капелью с потолков и крыш. Ладил ее линейный солдатик, у которого в первый раз в жизни очутился в руках топор» (Максимов, 1864, с. 194). Писатель акцентирует

внимание на «унылости и неприглядности» типизированных застроек: «Все эти дома деревянные, недавней постройки, все с красными крышами, все однообразного фасада... не стянутые заборами» (Максимов, 1864, с. 195). Казармам писатель противопоставляет «эти стриженные норы, людские гнёзда» – землянки вольных поселенцев и ссыльных, которые составляют большинство в городской застройке. Подчеркивается писателем «военная» топонимика города и военная атрибутика («артиллерийский квартал», «левый флаг», пушки на площади и т. д.). При этом характерной чертой городского дискурса, начиная с прозы С. В. Максимова, становится внимание к проявлениям на новых территориях русской культуры (диалектные слова в речи персонажей: «борода» (мужик), «сынок» (солдат), русские песни («Дубинушка»), черты крестьянского быта (огороды между построек, строительство церквей и т. д.)). Наличие этих элементов в структуре пространства городского текста свидетельствует о важности концептуализации пространства не как «чуждого», а как «своего». Примечательно, что Хабаровка позиционируется писателем как пограничье двух русских субкультур – казачьей (гарнизонной) и крестьянской (охотничье-земледельческой, вольной): «Хабаровка стоит на самом рубеже этих двух разнородных семейств: казачьего и крестьянского» (Максимов, 1864, с. 239), поэтому потенциальный геопоэтический образ Хабаровки связывается с городской культурой, способной синтезировать их. Кроме того, в описании Хабаровки возникает нарратив поликультурного пространства, в котором наблюдаются следы древних культур Востока (писатель акцентирует внимание на том, что в архитектуре Хабаровки сохранены артефакты гольдской культуры – молеальный храм, деревянный идол и т. д.). Основным геопоэтическим концептом дальневосточного городского пространства становится его устремленность в будущее: «Селению этому со временем превратиться в город» (о Хабаровке) (Максимов, 1864, с. 243); «Благовещенск – город только еще в будущем, и никак не в настоящем» (Максимов, 1864, с. 194). Это позволяет сделать вывод, что важными чертами «городского мифа» дальневосточного локального текста являются футуристичность, демиургичность – созидание нового культурного пространства и фронтирность.

Травелогии конца XIX века связаны с этапом переселенческой политики на дальневосточные территории морским путем, в результате чего в литературе наблюдается сдвиг в маршрутных нарративах Востока с сухопутных (по реке Амур) на морские. Это обуславливает появление в травелогах, посвященных Дальнему Востоку, фронта «море – суша», служащего метапространством, в котором субъект нарратива преодолевает оппозицию «свое (историческая Россия) – чужое (далекий Восток)». Это обуславливает константность экспозиции глав, посвященных значимому топосу дальневосточного городского пространства – городу Владивостоку.

Травелогии А. В. Елисеева («Отчет о поездке на Дальний Восток» (1890)), серия очерков о Южно-Уссурийском крае, вошедших впоследствии в его книгу «По белу свету») можно считать прототекстом для дальнейшей историко-литературной традиции представления образа города Владивостока. Книга Д. И. Шрейдера «Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае)» появилась на свет через четыре года после публикаций Елисеева, посвященных Южно-Уссурийскому краю. Для нее характерен гипертекстуальный дискурс: Д. И. Шрейдер приводит яркие цитаты из трудов С. В. Максимова, Н. М. Пржевальского, А. В. Елисеева и т. д., ведет «мысленный диалог» с писателями предшественниками и современниками, концептуализирующими в своих трудах образ города Владивостока. Интертекстуальные отсылки позволяют обозначить доминантные темы и образы в геопоэтическом образе Владивостока.

В травелогах А. В. Елисеева, а также в книге Д. И. Шрейдера представление читателю Владивостока начинается с морских ракурсов, через описание города, воспринимаемого повествователем с борта корабля («Кантон» у А. В. Елисеева, «Кострома» у Д. И. Шрейдера). Первые впечатления передаются через описание рельефа, буйства первозданной природы, подчеркивается «казарменный» облик Владивостока, осмысливается специфика топонимики, связанная со Средиземноморьем, и через множество других объективируемых авторами деталей облика города в его первичном восприятии наблюдателем. При этом важной константой становится эмоциональная доминанта радости от осознания окончания пути в символично-мифологическом контексте воспринимаемого как путешествие на край света: «Все пережитые неприятности, лишения и невзгоды были забыты, минувшие обиды прощены... *во время ужасов полуторамесячного плавания*» (Елисеев, 1903, с. 22); «Там, за этим расплывчатым, неясным пятном скрывается Владивосток – первый русский город *на нашем бесконечно длинном пути*» (Шрейдер, 1897, с. 1). Пространство моря в экспозиции травелогов, посвященных Владивостоку, изображается как приветливое, солнечное, но изменчивое из-за резко появляющегося тумана. С одной стороны, это концептуализирует объективные климатические особенности прибрежного пространства Владивостока, с другой стороны, становится символическим пограничьем, переходом из «приветливого» в «туманное», «неизведанное». Если у Елисеева мотивы тоски и тревоги, связанные с окраинным положением Владивостока, выражены неявно, то Д. И. Шрейдер не только объективирует свои чувства, но и приводит факты самоубийств среди молодых переселенцев-дворян, столкнувшихся с изолированностью и оторванностью от привычной российской действительности. Подобные мотивы внезапной тоски у русских на Дальнем Востоке будут повторяться в XX веке у М. М. Пришвина, В. К. Арсеньева и других. Если у А. В. Елисеева специфика климата Владивостока представлена в «городском» пространстве и отмечается такая черта климата, как буйство стихий: «Владивосток встретил нас не особо приветливо – ветром, бурей и дождем» (1903, с. 22), то у Шрейдера ведущей климатической чертой территории становится чередование тепла и холода. Контрастность климата и внезапность разгула стихий являются чертой «дальневосточного мифа» в последующей литературной традиции (Милянчук, 2014). Нарратив описания пространства Владивостока и у А. В. Елисеева, и у Д. И. Шрейдера локализуется в схеме «природное пространство (море) – городское пространство (Владивосток) – природное пространство (тайга)». Это не только локальные точки маршрута путешествия, совершаемого

авторами, но и концептуальные топосы Владивостока, включенные в его образ. Это обуславливает появление в описании городского пространства фронтальных нарративов, связанных с продвижением цивилизации вглубь природы: «Город не лишен своеобразной поэзии, но это поэзия леса, безжалостно обезображенного немилосердными хищниками» (Шрейдер, 1897, с. 6).

Пространство города изображается как динамичное, строящееся. Оба писателя акцентируют на этом внимание, но если Елисеев рассматривает расширение городского пространства вверх: «...городу расширяться больше некуда, как только постепенно поднимаясь (1903, с. 23), то Д. И. Шрейдер, напротив, описывает продвижение вперед, расширение путем продвижения вглубь континентальной части, в уссурийскую тайгу. В нарративе Елисеева строительство по вертикали символически связывается со строительством вавилонской башни. Автор не говорит об этом прямо, но картина специфической вертикальной застройки города сменяется картиной полиэтничного разнообразия (русские, китайцы-манзы, корейцы-каули). У Шрейдера же полиэтничный характер города раскрывается через сквозное (горизонтальное) преодоление автором пространства города. Если у Елисеева описание этнического состава города только упоминается как часть общей картины восприятия Владивостока, в книге Д. И. Шрейдера очень подробно описывается специфика каждой этнической группы, особенности межкультурного взаимодействия русского населения с манзами, каули, армянской и еврейской диаспорой, а также оценивается их роль в дальнейшем развитии города и дальневосточных территорий в целом. Можно заключить, что в изображении полиэтничного состава Владивостока концептуализируется не только отдаленность от центра России к Китаю, Корее и Японии, но и кросс-культурная специфика Владивостока как фронтальной территории. Полиэтнический характер города подчеркивается также в городской топонимике: «Светланская», «Семеновский покос», «Дундас», «Босфор», «Торговый дом Кунста и Альбертса» и т. д.

Хронология нарратива представления не ограничивается моментом восприятия образа города авторами травелогов, а расширяется в ретроспективно-перспективном плане. В частности, хронотопической точкой отсчета истории территории становится упоминание существования на территории Владивостока древнего царства (королевства) Бохай. У Шрейдера ретроспективной точкой также становится дата основания Владивостока. Историю города писатель выносит в отдельную главу, обозначая ее как «Тридцать шесть лет назад». Временная перспектива в травелогах Елисеева и Шрейдера связывается с рассуждениями о будущем Владивостока и его исторической миссией как города, «владеющего Востоком». Точные периоды времени не обозначаются, но слово «будущее» становится одним из нарративных концептов.

Историко-культурные и пространственные факторы обуславливают мифогенез, проявляющийся в закреплённых в сознании культурно-языковой личности стереотипных представлениях, формирующих геополитический образ места (Авченко, 2021; Абашев, 2012). Примечателен тот факт, что «мифогенность» Владивостока отражалась уже в ранних травелогах, посвященных городу. В главе «Страничка из недавнего прошлого» Д. И. Шрейдер обозначает основные мифы в представлении о Владивостоке. Часть из них он позиционирует как «неправильные представления европейца» (Шрейдер, 1897, с. 27). Это миф о том, что в городе можно встретить диких зверей, «забегающих из соседней тайги», миф о «жизни как в дремучем лесу», где невозможно использовать блага цивилизации и не достать «консерв, муки и сахару», миф об отсутствии культурной и общественной жизни (Шрейдер, 1897, с. 27). Отчасти поэтому характерной нарративной чертой представления образа Владивостока стали сюжеты об общественных организациях. В частности, в «Отчете о поездке на Дальний Восток» и во второй главе «По белу свету» А. В. Елисеев (1890, с. 36) описывает деятельность «Общества изучения Амурского края». Писатель подробно характеризует направления научной деятельности общества (история, этнография, археология, язык), обозначает значимые персоналии (Ф. Ф. Буссе, В. П. Маргаритов, М. Янковский, Л. Крапоткин, И. Н. Надаров, Н. А. Пальчевский и т. д.), выражает благодарность за сведения об истории колонизации края, актуальных проблемах его освоения (о «казачине», «пьяном хлебе», месте инородцев на фронтальной территории; описание природы и географии Уссурийского края, традиционных промыслов и специфики новых способов хозяйства на восточных российских землях; представление историко-культурного наследия иных цивилизаций на территории региона; описание особенностей трансграничного взаимодействия с азиатскими государствами и т. д.), высказывается о необходимости государственной поддержки деятельности общества и восхищается энтузиазмом его участников, которые в условиях «окраинности» и оторванности от научного сообщества центра России ведут не только научную, но и просветительскую работу. Нарратив «окраинности» становится доминантным и в представлении деятельности светского объединения передовой общественности Владивостока – «Клуба ланцепутов» (Шрейдер, 1897, с. 42), возникшего как результат «стремлений к сплоченности и к объединению» первых поселенцев. Деятельность общества описывается из первых уст, в беседе писателя с «одним из старожилов Уссурийского края», представленной на страницах книги в форме интервью автора с героем. Эмоциональной доминантой становится горестное чувство оторванности, изолированности жителей города (русское население Владивостока, по словам старожила, составляли преимущественно солдаты, офицеры, чиновники с семьями, служащие низших чинов с семьями, «не служившие нигде обыватели», ссыльные поселенцы) от привычной культуры и разрозненность городского общества: «Сначала мы еще увлекались немного охотой, тайгой, инородцами, природой, а потом – все надоело... Казалось бы, наоборот: изолированность всех их от равноудаленной родины должна была еще больше сплотить и объединить местное общество. А, между тем, в действительности, все было совсем не так... По сто раз было переговорено все, что мы знали, что волновало и мучило, что подсказывало воображение... Каждый раз повторяется одно и то же... тут не только в тайгу, тигру в пасть шагнешь» (Шрейдер, 1897, с. 39). Эта изолированность провоцировала девиантное поведение. Д. И. Шрейдер приводит

факты большого количества самоубийств среди молодежи, описывает изощренные игры со смертью («игра в тигра», когда офицеры охотились друг на друга в темноте), анализирует корни процветающей преступности. Тем не менее автор отмечает большой прогресс в развитии общественной жизни в течение трех десятилетий с момента основания, фиксируя на момент своего путешествия устами героя появление большого количества общественных объединений по интересам: «Есть у нас ныне два клуба, театр, библиотека, музей, и масса любительских обществ: два музыкальных, фотографическое, уссурийское общество любителей охоты и даже ученое Общество изучения Амурского края и общество любителей гимнастики» (Шрейдер, 1897, с. 41). Общественная маргинальность, свойственная Владивостоку, в перспективе мыслилась А. В. Елисеевым и Д. И. Шрейдером конечной благодаря формированию особой аксиологии, базирующейся на представлении об исторической миссии и героизме людей фронта, закрепляющих русскую культуру на восточных рубежах.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что в травелогах С. В. Максимова, А. В. Елисеева и Д. И. Шрейдера, посвященных Дальнему Востоку, главные городские топосы восточного фронта обозначены как в локально-маршрутной схеме путешествий на Дальний Восток, так и в символическо-концептуальном плане как пространственная квинтэссенция «мифогенных» представлений о Дальнем Востоке.

Константными элементами городского дискурса становятся рекуррентные сюжеты (восприятие города со стороны пограничного пространства – реки или моря, символически связывающего глубинную Россию с новыми территориями, посещение значимых мест автором-повествователем, представление образов старожилов-первопоселенцев, описание представителей инокультурного этноса, испытания во время переменчивой погоды на суше и на водном пространстве и т. д.). Поэтика субъектного нарратива основывается на чередовании сенсорных и тактильных мотивов, использующихся в повествовании как художественный прием усиления контраста (тепло и холод, свет и тень, тишина – гул и т. д.). Городской миф о приамурских городах составляет «казарменный» миф, обусловивший образ дальневосточных городов как городов-форпостов. Семантику нарратива травелогов о Владивостоке составляют представления, формирующие «городской миф»: дистанционность и изолированность от центра России, близость к Китаю, Японии и Корее, фронтальность, кросс-культурная специфика города, «вертикальная» застройка, генетическая связь с великими цивилизациями Востока, маргинальность и разобщенность населения как следствие «отрыва от корней» в процессе колонизации территорий представителями из разных частей России и в то же время ментальное ощущение богоизбранности людей, заселяющих восточные территории. Одной из доминантных констант в образе Владивостока становится природно-географическая уникальность города: сосуществование в природе форм севера и юга, море, окружающее город с трех сторон, соседство с таежными обитателями.

Таким образом, основные характеристики концептуального образа городского пространства восточного фронта, формирующие «городской миф» восточных территорий в национальной картине мира, были обозначены в ранних травелогах, посвященных российскому Дальнему Востоку. Это позволяет рассматривать произведения С. В. Максимова, А. В. Елисеева и Д. И. Шрейдера в качестве прототекстов историко-литературной традиции представления городского пространства Дальнего Востока в последующей художественной литературе.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в рассмотрении художественной специфики образа городского пространства дальневосточного фронта в системных семантических парадигмах («сельское поселение – город», «город-форпост – трансграничный торговый город» и т. д.), а также в изучении большего числа литературных источников о Дальнем Востоке, посвященных образу дальневосточного городского пространства.

Источники | References

1. Абашев В. В. Литература и география: Урал в геопэтике России // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2 (19).
2. Авченко В. Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии. М.: Редакция Елены Шубиной, 2021.
3. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5.
4. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.
5. Головнев И. А. Фронтальный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64).
6. Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1.
7. Забияко А. А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 9-10 декабря 2013 г.) / Амурский государственный университет. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2013.

8. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирск. отделения РАН, 2016.
9. Краюшкина Т. В. Полиэтническое пространство Владивостока в романе-эпопее А. А. Фадеева «Последний из удэге»: к вопросу о межэтнических коммуникациях в региональной литературе // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга (г. Волгоград, 27-28 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019.
10. Лотман Ю. М. Город и время // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб.: Эйдос, 1993. Вып. 1.
11. Люсый А. П. Карта текстологической полифонии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 5.
12. Мальцева О. Н. Концепт Владивосток в художественном дискурсе: «владивостокский текст» // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4.
13. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / науч. ред. Т. И. Печерская; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2003.
14. Милянчук Н. С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог: сборник статей: к юбилею доктора филологических наук, профессора Елены Александровны Первушиной. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014.
15. Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7).
16. Тюрин А. В. Как создавалась Россия: русский фронт. М.: Вече, 2018.
17. Фетисова Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII-XIX вв. // Россия и АТР. 2006. № 3 (53).
18. Хайруллина О. Н. Очерк второй половины 19 века: жанрово-стилевая характеристика; на материале очерков о российском Дальнем Востоке: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2001.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01494 «Образ дальневосточного фронта в русской путевой прозе XIX века». <https://rscf.ru/project/23-28-01494/>).

EN The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01494 “The image of the Far Eastern frontier in the Russian travel prose of the 19th century”. <https://rscf.ru/project/23-28-01494/>).

Информация об авторах | Author information

RU **Васильева Татьяна Владимировна¹**, к. филол. н.
¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

EN **Tatyana Vladimirovna Vasilyeva¹**, PhD
¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ 004711@pnu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.04.2024; опубликовано online (published online): 24.05.2024.

Ключевые слова (keywords): травелог С. В. Максимова; травелог А. В. Елисеева; травелог Д. И. Шрейдера; восточный фронт; художественный нарратив травелогов; городской локальный текст; S. V. Maksimov’s travelogue; A. V. Eliseev’s travelogue; D. I. Schreider’s travelogue; eastern frontier; artistic narrative of travelogue; urban local text.